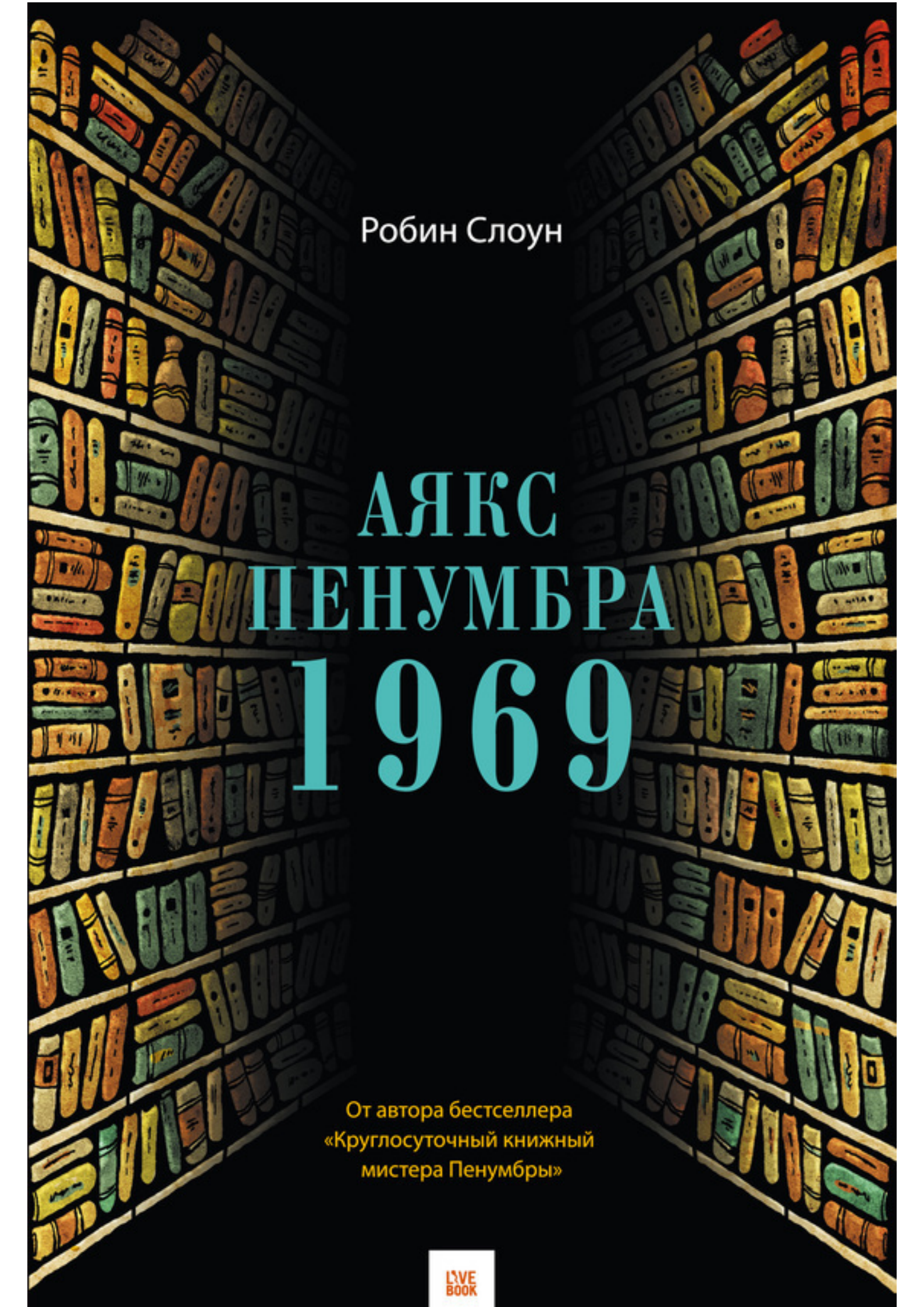

Робин Слоун

АЯКС ПЕНУМБРА 1969

От автора бестселлера
«Круглосуточный книжный
мистера Пенумбры»

LIVE
BOOK

Круглосуточный книжный мистера Пенумбры

Робин Слоун

Аякс Пенумбра 1969

Издательство "Livebook/Гаятри"

2013

УДК 92-311.3
ББК 84(3)

Слоун Р.

Аякс Пенумбра 1969 / Р. Слоун — Издательство "Livebook/Гаятри", 2013 — (Круглосуточный книжный мистера Пенумбры)

ISBN 978-5-9908081-1-9

Аякс Пенумбра 1969» – приквел романа Робина Слоуна «Круглосуточный книжный мистера Пенумбры», ставшего бестселлером в десятках стран мира. Тайное сообщество «Festina lente» ищет секрет бессмертия. Это знание из тех, что хочется получить при жизни, а другие дела можно отложить на потом. В августе 1969 года молодой Аякс Пенумбра приезжает в Сан-Франциско в поисках единственного экземпляра древней книги, потерянной почти сто лет назад. Книга, если она не сгорела при пожаре и не рассыпалась в древесный прах, на протяжении нескольких веков предсказывает судьбы. Книга указывает Пенумбре нужный поворот, а за поворотом...круглосуточный книжный.

УДК 92-311.3
ББК 84(3)

ISBN 978-5-9908081-1-9

© Слоун Р., 2013
© Издательство "Livebook/Гаятри", 2013

Содержание

Аякс Пенумбра 1969	6
Круглосуточный книжный	6
Аякс Пенумбра	10
Фридрих и Фэнг	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Робин Слоун

Аякс Пенумбра 1969

© Робин Слоун, 2013

© Владимир Бойко, перевод на русский язык, 2016

© Livebook Publishng Ltd, 2017

* * *

Аякс Пенумбра 1969

Круглосуточный книжный

Приезжий ходит по городу в поисках. По списку: библиотеки и книжные, музеи и архивы. Нырять в недра «Сан-Франциско кроникл». Угрюмый секретарь препровождает к самым давним подшивкам. Газетная бумага хрупка на ощупь. Листает бережно, но уверенно, пальцы к такому делу приучены, но «Кроникл» слишком юна. Искомое имени там нет.

Приезжий прочесывает китайский квартал, выясняет, как спросить про книжный магазин на кантонском диалекте: «Шудянь?» Устремляется в серую дымку Хейт-стрит, беседует с длинноволосым парнем, торгующим разложенными на одеяле книгами в парке «Золотые Ворота». Пересекает залив, заглядывает в «Коудиз» и «Кэл», расположенные южнее магазина Кеплера и Стэнфордского университета. Наводит справки в «Сити-Лайтс», но кассир по имени Шиг качает головой: «Впервые слышу, друг. Впервые слышу». Взамен продает приезжему экземпляр «Вопля».

Идет 1969 год, Сан-Франциско застраивается. Большая центральная артерия Маркет-стрит вся перерыта. К югу от нее снесены и стерты с лица земли целые кварталы, ограда пестрит вывесками «САДЫ ЙЕРБА-БУЭНА», хотя поблизости не видно ни кустика, ни деревца. С северной стороны приезжий огибает стройплощадку, где возносится в небо огромный зиккурат, а надпись поверх тонких очертаний сверкающего копья на плакате сулит:

ЗДЕСЬ БУДЕТ

ПИРАМИДА ТРАНСАМЕРИКА.

Приезжий разочарованно ходит по городу. Податься больше некуда, список свернут, исчерпан. Бредет к мосту Золотые Ворота, потому что знает: родители будут расспрашивать об этом месте. Пройдя четверть пути, поворачивает обратно. Он рассчитывал лицезреть панораму города, но над заливом встал туман, и рубаха с короткими рукавами топорщится на студеном ветру.

Приезжий неторопливо возвращается в гостиницу, смиряясь с неудачей. Утром он купит обратный билет на поезд. Какое-то время идет вдоль воды, затем, срезая дорогу, направляется в город. Продвигается по границе, разделяющей Северный пляж и Чайнатаун, и там обнаруживает втиснутый между итальянским рестораном и китайской аптекой книжный магазин.

В ресторане все стулья водружены на красно-клетчатые скатерти. Аптека стоит в тени, двери стянуты мрачной цепью. Вся улица спит, дело к полудню. В книжном же кипит жизнь.

Не видно еще, но уже слышно: приглушенный шум голосов, резкая песенная трель.

Звук нарастает, когда дверь магазина распахивается и на улицу вываливаются люди. Они молоды, длинноволосы, небрежно одеты. Приезжий слышит щелчок зажигалки, примечает вспыхивающую искру. Люди что-то передают друг другу, вдыхают – и выдыхают длинные струйки дыма, которые смешиваются с туманом. Приезжий медлит, наблюдая. Они вновь что-то пускают по кругу, потом выбрасывают на мостовую и возвращаются внутрь.

Он подходит ближе. С фасада у магазина сплошь витрины, сверху донизу, оформленные железной решеткой стеклянные квадраты наглухо затуманены. Внутри, похоже, в самом разгаре вечеринка. Мелькают лица и руки, темные шевелюры, за мглистым стеклом всё размыто, как на полотнах импрессионистов. Звучит песня, которую он уже слышал в городе, какая-то модная вещь.

Толкает дверь, и его обволакивает волна пенного тепла. Где-то вверху звонко дребезжит колокольчик, возвещающая о его приходе, но никто не обращает внимания. Дверь не открывается до конца, бьется в чью-то спину, чью-то широкую куртку с россыпью ярких заплат. Приезжий протискивается бочком, тихонько бормоча извинения, но человек в куртке ничего не замечает – он поглощен беседой с женщиной, вцепившейся в транзистор, откуда и несется песенка.

Книжный магазин крохотный – высокий и узкий. Стоя в уголке, приезжий оглядывает помещение и прикидывает: покупателей здесь меньше, чем в «Сити-Лайтс», и двух десятков, наверное, не наберется – просто все они толкуются в зале на одном пятачке.

Эта малочисленная и компактная толпа крутится вокруг нескольких приземистых столиков – каждый из них увенчан лаконичной надписью от руки:

*ПОЭЗИЯ,
ФАНТАСТИКА,
СОГЛАСНО «КАТАЛОГУ ВСЕЙ ЗЕМЛИ».*

Кто-то из присутствующих листает книги; два бородача склонились, споря и жестикулируя, над столиком КИНО. Другие читают, не отрываясь; женщина в зеленом платье так и застыла, зачарованная комиксами «Фантастическая четверка». Большинство, впрочем, не забывает о себе: люди разговаривают, кивают, смеются, флиртуют, поправляют прически. Волосы у всех длинные, и приезжий внезапно начинает стесняться своей стрижки под насадку № 3.

Он пробирается сквозь толпу в сторону кассы, стараясь ни до кого не дотрагиваться. Мало ли как у людей с гигиеной. Голоса гулко разносятся над голыми половицами, и он улавливает обрывки разговоров:

«... просто отпад, понимаешь...»

«... в Марине...»

«... на Лед Зеп...»

«... типа собачьего корма...»

В книжном есть кое-что еще. Поодаль от столиков, которыми заставлена вся задняя половина магазина, высятся, исчезая во тьме наверху, стеллажи. Во мрак ведут шаткие лестницы. Грузные тома, обитающие на этих полках, выглядят куда серьезнее тех книжек, что стоят на виду, и публика, похоже, их не трогает – хотя, возможно, предполагает приезжий, в потемках вершится некое сокровенное действо.

Ему совсем уж неуютно. Развернуться бы и уйти. Но... это же книжный магазин. Быть может, таящий разгадку.

Достигнув кассы, приезжий обнаруживает там продавца, спорящего с покупателем. Фигуры резко контрастируют: два разных десятилетия глядят друг на друга в упор через широкую, массивную стойку. Покупатель – согбенная хворостинка, жидкие пряди собраны в хвост. Продавец – крепыш с мощными бицепсами, растягивающими свитер в рубчик. Зачесанные назад темные волосы, аккуратные усики – он скорее похож на моряка, чем на книготорговца.

– Туалет – для покупателей, – настаивает продавец.

– Я же купил книгу на прошлой неделе, парень, – протестует покупатель.

– Разве? Не сомневаюсь, что на прошлой неделе вы читали книгу, – ну да, сам видел, – но что касается покупки... – продавец достает пухлый том в кожаном переплете, ловко перелистывает страницы. – Нет, боюсь, я тут ничего не вижу... Еще раз: как вас зовут?

Покупатель расплывается в улыбке:

– Койот.

– Койот, как же. Нет, не вижу здесь никакого Койота. Вот есть Старчайлд... Фродо... а Койота нет.

– Старчайлд, ну да! Это моя фамилия. Давай, парень. Мне надо отлить.

Покупатель – Койот... Старчайлд? – подсказывает на каблуках.

Продавец стискивает зубы. Выдает простую отмычку с длинной серой кисточкой:

– Побыстрее.

Покупатель хватается за ключ и исчезает между высокими стеллажами, за ним пристраиваются еще двое.

– Не сорить! – кричит им вслед продавец. – Не...

Он вздыхает и резко поворачивается к приезжему:

– Ну? Что?

– А, здравствуйте, – улыбается приезжий. – Я ищу книгу.

Продавец застывает. Переваривает.

– В самом деле? – челюсть его, кажется, разжалась.

– Да. Вернее сказать, ищу определенную книгу.

– Маркус! – зовет чей-то голос.

Продавец поднимает взгляд. Женщина с транзистором вздымает над толпой книгу, тыча пальцем в обложку с названием «Незнакомец пришел обнаженным».

– Мар-кус! Ты вот это читаешь, пока никого нет, что ли?

Продавец хмурится и не удостоивает ее ответом, а стучит кулаком по стойке и бормочет, не обращаясь ни к кому конкретно:

– Не понимаю, зачем он держит такую безвкусицу...

– Определенную книгу, – мягко торопит приезжий.

Взгляд продавца возвращается. Губы плотно сжимаются в бледное подобие улыбки:

– Конечно. Как она называется?

Приезжий выговаривает медленно, четко произнося звуки:

– «Техне Тюхеон». По буквам: тэ-е-ха...

– Да, «техне», понял. А вместе с «тюхеон»... это значит «искусство судьбы», верно?

– Именно так! – восклицает приезжий.

– Мар-кус! – вновь зовет женский голос. На сей раз продавец вообще не обращает внимания.

– Может, так с виду и не скажешь, – безапелляционно заявляет он, – но на самом деле мы тут занимаемся научными исследованиями.

Достает продолговатую книгу – в ширину больше, чем в высоту.

– Название мне незнакомо, но дайте-ка перепроверю.

Листает страницы, раскрыв разграфленный гроссбух – что-то вроде каталога.

– На букву «Т» ничего... Как фамилия автора?

Приезжий качает головой:

– Это очень старая книга. У меня есть только название. Но я знаю, что она была здесь, в Сан-Франциско, в книжном магазине, которым заведовал некто... В общем, довольно запутанная история.

Глаза продавца сужаются, но в них сквозит не подозрение, а глубокий интерес. Он откладывает каталог.

– Расскажите.

– Видите ли, – приезжий озирается, предполагая, что за ним уже выстроилась очередь, но сзади никого. Он снова поворачивается к продавцу. – Это займет некоторое время.

– Магазин работает круглосуточно, – говорит продавец с невеселой улыбкой. – Кроме времени у нас ничего нет.

– Мне следует начать с начала.

– Вам следует начать с главного, – продавец откидывается на стуле, скрещивает руки. – Как вас зовут, дружище?

– Ой. Да, конечно. Меня зовут Аякс Пенумбра.

Аякс Пенумбра

Как достается такое имя – Аякс Пенумбра? А вот как: твои родители, Пабло и Мария Пенумбра, бегут из Испании, где всего через несколько месяцев вспыхнет большая гражданская война. Отец везет чемодан, набитый книгами, мать везет тебя.

Рождаешься в Англии. От Марии, школьной учительницы, наследуешь отрывистый смех, кривую ухмылку. От Пабло, вечно нищего поэта, тебе достается высокий рост и имя, как у греческого героя. Как выясняется, нравом ты, пожалуй, больше похож на соперника Аякса – Одиссея. Конечно же, отец рассматривал и этот вариант, но Мария наложила на него вето. Мальчик по имени Одиссей Пенумбра, сказала она, не доживет и до седьмого класса.

Первые годы жизни странствуешь: из Англии в Канаду, оттуда – в Америку. Точнее – в Гейлсберг в штате Иллинойс, где Мария получает должность в средней школе, а со временем и до директора дорастает. Пабло учреждает литературный журнал под названием *Migraciones*. За все твоё детство он набирает в общей сложности семьдесят три подписчика.

Родители у тебя со всевозможными причудами. Они не празднуют дней рождения, ни разу в жизни ты не получал подарка десятого декабря. Вместо этого тебе дарят книги на годовщины их авторов. Вот наступит 27 января, и на нижней ступеньке лестницы будет ждать завернутый в яркую бумагу пакет. С запиской:

«Моему дорогому мальчику по случаю 93-летия Льюиса Кэрролла».
«Алиса в Зазеркалье».

АЯКС ПЕНУМБРА. В маленьком Гальваник-колледже, прозванном Гарвардом Северо-западного Иллинойса, твоё имя вписано в студенческий билет большими буквами с ровными пробелами, а рядом на фотокарточке изображено создание, состоящее исключительно из шеи, ушей и зубов. Твоя широкая и глупая улыбка. Глядя на нее, ты жалел, что не сдержался. Не постарался выглядеть серьезнее.

Стоя перед тобой и прочими новичками, президент Гальваника гордо возвещает, что вы станете первыми, кого расселят по комнатам в общежитии посредством компьютеризированного процесса.

Поначалу кажется, что компьютер дал жуткий сбой. Твой сосед Клод Новак – балаболка из Чикаго, а ты – провинциальный интроверт. Он коренаст и эмоционален, ты – долговяз и замкнут. Он курит, ты скрытен. Клод выглядит чужаком в колледже, расположенном среди кукурузных полей, а ты и сам похож на эти бледные стебли.

Но стоит вам распаковать вещи в первый же день, и компьютерная логика налицо: вы оба загрузили свои чемоданы прежде всего книгами, втиснув всякое добро вроде штанов и башмаков в зазоры между томами. В этот первый день вы, наклонив головы, стоите рядом и разглядываете вашу общую коллекцию на шаткой этажерке в комнате общаги. Твой вклад – по большей части Шекспир, Данте, Гомер: сказывается отцовское влияние. Клод, наоборот, приволок исключительно фантастику. На обложках нарисованы глянцевые космические корабли, сверкающие человекоподобные роботы и крохотные марсиане с зеленой кожей.

Всю ночь не спите, зачитавшись.

Клод приехал ради компьютера. Гальваник владеет одной из самых мощных машин на Среднем Западе – недавним слегка экстравагантным подарком от богатого выпускника. При этом преподавателей и студентов здесь не наберется в общей сложности и трех тысяч. Клод произвел расчеты – разделил процессорные циклы на число обитателей кампуса – и

решил, что именно Гальваник, а не Иллинойсский университет, обеспечит ему больше всего машинного времени.

Почти все дни и многие ночи он проводит во втором подвале Макдональд-Холла, где, по слухам, и стоит эта неповоротливая махина. Клод зовет туда и тебя. Вы спускаетесь на два лестничных пролета и крадетесь по холодному темному коридору. Впереди распахнута дверь на подпорках, изнутри веет стужей. На дощечке у входа обозначен номер ВЗ, но снизу прилеплен знак, написанный волнистым почерком Клода, который гласит, что здесь находится ОСНОВАНИЕ.

Внутри ты впервые сталкиваешься с компьютером лицом к лицу. Это вовсе не та хитроумная громадина, как ты предполагал, а скорее скопище высоких коробок. Все они похожи на суперсовременные кухонные устройства и покрыты гладкими панелями, играющими серебристо-серым и огненно-алым блеском. За стеклянными окошками медленно крутятся бобины размером с обеденные тарелки. Повсюду одинаковая увесистая эмблема – IBM. Холод в комнате страшный – возможно, он идет от одного из этих приборов. Клод восседает на крохотном столике в центре всей этой груды; он утепился, надев лыжную маску и зимнюю куртку.

– Эй, чувак! – кричит он, закручивая маску вокруг головы. Странное зрелище, но уж не более диковинное, чем сам факт: вот сидит твой сосед и пользуется компьютером.

Пользоваться компьютером – прямо-таки нечеловеческое занятие.

Клод разворачивает пластиковый стул, ставит его рядом со своим к столу.

– Ты как раз вовремя.

Он разбирает толстую стопку вошедших желтоватых перфокарт – на каждой из них жирным шрифтом написано:

НЕ ГНУТЬ, НЕ ТЯНУТЬ, НЕ МЯТЬ.

Ты сидишь, растирая озябшие руки.

Клод вставляет перфокарты в небольшой приемник, бегло и уверенно жмет на тугие кнопки. Карты начинают исчезать, компьютер их заглатывает по одной, клацая и урча.

Ты спрашиваешь:

– Ч-что это он... делает?

– В основном уравнения Навье-Стокса. Ой, прости, ты про другое – ну да. Компьютер считывает карты, выполняет команды, и я получаю ответы... там.

Он указывает на принтер, заряженный бумагой на жирном барабане. Это устройство уже извергло несколько метров ответов, сваленных теперь на цементном полу.

– И что эти ответы... показывают?

– Я занимаюсь погодой. Сейчас это горячая тема в компьютерной науке... Климатические модели, радиоактивные осадки и прочее. Во-о-от. Загружаю данные сегодняшних наблюдений – температура, скорость ветра, все такое... Сначала, конечно, надо нормализовать координаты... а потом я ввожу свою прогностическую модель – вот тут и начинаются уравнения Навье-Стокса, – он говорит очень быстро и очень возбужденно, – ну-у-у... и выясняя, будет ли завтра дождь, – постукивает пальцем по столу: тук, тук-тук-тук. – В Москве.

После этого ты еще много раз приходишь в комнату ВЗ, всегда захватывая с собой зимнюю куртку. Компьютер тебя напрягает; когда Клод предлагает самому понажимать на тугие кнопки, ты смущаешься. Но смотришь и слушаешь, как он рассказывает – быстро, возбужденно – о том, какие задачи сможет решать еще более мощный компьютер.

– Экономические прогнозы, – говорит он. – Моделирование дорожного движения. Шахматы!

Приезжаешь в Гальваник изучать английский язык и литературу, а в первый семестр узнаешь, что колледж предлагает более специализированные программы для студентов с более... специализированными интересами. Курсы не перечислены в каталоге – по крайней мере, напрямую. Нет, они таятся среди программ английского отделения, пронумерованные простыми числами и снабженные столь тоскливыми названиями – типа Английский 103, «Диаграммы предложений», – что ни одному нормальному студенту в голову не придет туда записаться без очень веской причины.

Курс собирается в большой, украшенной резными серыми фигурами библиотеке колледжа на верхнем этаже, откуда на кукурузные поля смотрят окна-бойницы, пропускающие не слишком много света. Преподаватель – сипящий амбал по имени Лэнгстон Армитедж. Он объясняет, что заведует кафедрой оккультной литературы. Прочие студенты охотно кивают, а ты в замешательстве. Ты записался сюда, потому что и впрямь любишь рисовать диаграммы предложений.

В первый день второго семестра идешь к секретарю факультета и меняешь специализацию. Той весной на первом занятии группы Английский 211, «История указателя» – а фактически Оккультная литература 211, «Опасные книги» – Армитедж объясняет, что в библиотеке Гальваника больше уникальных, непереводимых и/или непостижимых томов, чем в любом другом собрании на свете. На втором занятии он отправляет тебя в книгохранилище. Там есть книги, сделанные из серебра и кости. Есть книги с кровью на страницах – в переносном и в прямом смысле слова. Книги из перьев. Книги в нефритовых обложках. Книги, которые звенят, как колокольчики, когда берешь их с полки. Книги, светящиеся в темноте.

Клод Новак заканчивает учебу всего через три года. Прохладным летним утром ты идешь с ним на маленькую железнодорожную станцию Гальваника. Вы еле тащите, взявшись с двух сторон, его чемодан, битком набитый фантастикой. Клод едет в Калифорнию, где его ждет аспирантская программа Стэнфордского университета по вычислительной технике – одна из первых в стране. Пока поезд не подошел, он выдергивает из чемодана книгу и дарит ее тебе. На обложке изображена бледная бурлящая галактика. «Основание» Айзека Азимова – Клод часто говорил об этой книге.

Ты уточняешь:

– Ученые предсказывают будущее?

– Психоисторики, – беспечно отвечает он. – И это не фантастика, чувак. Уже нет. Это становится реальностью.

Прибывает поезд, ты жмешь Клоду руку, а потом слегка впадаешь в пафос.

– Я благодарен компьютеризированному процессу, который нас свел, – говоришь ты своему давнему соседу. – Надеюсь, ты напишешь собственные алгоритмы, которые дадут такие же блестящие результаты.

Клод смеется:

– Я тоже, чувак. Я тоже. Удачи в библиотеке.

Серебряные книги, костяные книги. И все-таки самое необычное зрелище за все твои годы в Гальванике – это парень в лыжной маске, сидящий в подвале за компьютером.

Год спустя, когда ты готовишься к защите диплома, Лэнгстон Армитедж приглашает тебя в свое орлиное гнездо на верхнем этаже библиотеки. Единственное узкое окошко завешено полоской узорчатых обоев, но солнечный свет все же пробивается, придавая всему в кабинете зеленоватый оттенок. В том числе и Армитеджу.

– Я хотел бы предложить вам работу в библиотеке, – каркает он.

Ты уже проработал в библиотеке три лета, раскладывая и переставляя книги на полках, проверяя и обновляя каталог, и, хотя тебе там нравится, такая перспектива не сильно радует. Должно быть, это написано у тебя на лице, потому что Армитедж поясняет:

– Нет, мальчик мой. Я имею в виду работу в отделе комплектования.

Занимаясь оккультной литературой, ты четыре года практически постоянно слышал об отделе комплектования библиотечного фонда Гальваник-колледжа. На комплектаторах вся библиотека держится, они – неиссякаемый источник ее книжного богатства. Тебе иногда случается видеть, как на верхних этажах библиотеки они совещаются в укромных уголках, тихо переговариваясь на незнакомых языках, задумчиво потирая загадочные шрамы.

Тем летом ты становишься учеником комплектатора и начинаешь фактически аспирантскую программу, но без диплома. Тебе платят за то, что ты читаешь классику, а также книги, которые стали бы классикой, если бы ими владела не библиотека Гальваника, а любая другая. Тебе платят за изучение языков – греческого и латыни, само собой, но и еще более древних: арамейского, санскрита и протофиникийского, на котором, возможно, разговаривали в Атлантиде.

Дома, в Гейлсберге, мать уходит на пенсию, и уличный оркестр играет прощальный концерт на вашей старой лужайке перед домом. Отец хворает, месяц лежит в больнице, поправляется – но голос его с тех пор меняется навсегда. Становится тише. Он учреждает новый журнал – *Interruptiones*.

Дело идет, пожалуй, медленнее, чем ты ожидал. Проходят годы, прежде чем Лэнгстон Армитедж решает, что ты готов к первому заданию. В тот день он вызывает тебя в свой кабинет, повышает в должности, назначая младшим комплектатором, и поручает добыть книгу под названием «Техне Тюхеон».

Переводишь с греческого: «Искусство, или ремесло, судьбы».

– Очень хорошо. У нее долгая история – вот, – он выдергивает пухлую папку из середины груды, возвышающейся на его рабочем столе; заодно выскальзывают еще несколько, и теперь их содержимое разбросано по полу.

– Это, – постукивает он по папке, – работа другого комплектатора, Джека Бриндла. Ты увидишь, что след теряется примерно в 1657 году.

– А с Бриндлом что случилось?

– Умер в Макао. Очень загадочно. Как бы то ни было – 1657 год. Оттуда и начнешь копать.

Ты выясняешь, что «Тюхеон», как чаще называют эту книгу приблизительно три ныне живущих человека, которым есть до нее дело, вышел небольшим тиражом, но редкие когда-либо существовавшие экземпляры многих впечатлили. По-видимому, это пророческая книга, о чем в досье Бриндла свидетельствует множество вырезок. В 1511 году ее достоинства превозносит купец из Ливерпуля. Почти столетие спустя, в 1601 году, без нее не может работать лондонский прорицатель. Его ученик столь же восторженно расхваливает «Тюхеон», но, похоже, ошибается в каком-то важном предсказании, и в 1657 году его убивают. След багровеет и остывает.

Ты пускаешься на поиски. Едешь на поезде в Эрбану, Чикаго, Ист-Лэнсинг и Энн-Арбор. В университетских библиотеках и антикварных книжных лавках собираешь фрагменты, цепляешься за сноски и со временем накапливаешь собственное пухлое досье. Толку от него ничуть не больше, чем от архива Бриндла. Строчишь запросы всем подряд, но в ответ получаешь только сожаления.

Начинаешь подозревать, что «Тюхеон» попросту потерян. Делишься своими догадками с Лэнгстоном Армитеджем, а он напоминает, что твоя коллега Кэрол Джанссен недавно восстановила инкскую «Книгу снов», которой шестьсот лет.

– Вся книга была сплетена из нитей с узелками, мой мальчик, – каркает он, – и ее распустили на свитера.

И повторяет, для пущего эффекта:

– Она была в... крестьянских... свитерах.

Снова берешься за дело. Отслеживаешь поступления и сверяешь списки. И вот – прорыв.

В бумагах нью-йоркского врача и библиофила Флойда Декла нашлось письмо от его друга, доктора Виктора Потенте, отправленное в сентябре 1861 года из Сан-Франциско. Потенте пишет:

«А здесь ни один книготорговец не располагает такими сокровищами, как прекрасный Уильям Грей, который может похвастать первыми изданиями Галена и Везалия, да и еще одним томом, не столь научным, но не менее примечательным: пророческой книгой! Будь покоен, Флойд, я настойчиво убеждал продавца показать ее содержание, но он отказался, заявив, что для толкования ее роковых знамений требуется специальная подготовка. Взамен я предложил свое врачебное образование – сказал, что, несомненно, научился понимать некоторые мрачные знаки, – но продавец, мистер Фэнг, лишь покачал головой и вернул на заветное место фолиант под названием – «Искусство судьбы».

Глаза у тебя загораются. Записываешь имя. Уильям Грей. Записываешь еще раз. Стремглав несешься через хранилище, избегаешь по лестнице, спотыкаешься, падаешь ничком. На верхнем этаже колотишь в дверь кабинета Лэнгстона Армитеджа – сердце выскакивает из груди, руки горят, – и дожидаясь его хриплой команды: «Войдите!»

Армитедж внимательно слушает твой рассказ о сделанном открытии. Новый источник, на два столетия более поздний! Имя книготорговца – Уильям Грей из Сан-Франциско! Недостающее звено!

Губы Армитеджа плотно сжимаются.

– Сан-Франциско, – каркает он.

Ты киваешь. Армитедж кивает в ответ. Потом вздымает пухлую ручонку, дирижируя, и дрожащим баритоном поет: «Если е-е-едешь... в Сааан-Фрааанциско...» Замолкает. Косится на твою стрижку «ежиком». Тычет пальцем:

– Цветам тут не за что держаться, Аякс.

Ты выдыхаешь. Сосредотачиваешься.

– Значит, я должен ехать на Запад?

– Мальчик мой! Ты уже должен быть там.

Фридрих и Фэнг

Пенумбра не рассказывает всего этого продавцу, но сообщает ему кое-что сверх строго необходимого для обозначения предмета своих поисков. Продавец напряженно слушает, брови его сосредоточенно насуплены, широкое поле лба изборозжено морщинками. Подтягивающиеся к прилавку длинноволосые продолжают спрашивать ключ от туалета. Продавец выдает его молча, не возражая. Почти не глядя.

Заканчивая свою историю, Пенумбра называет имя сан-францисского книготорговца. Продавец молчит, раздумывая.

– Так, – изрекает он наконец. – Ни о каком Уильяме Грее я не знаю.

– К такому ответу я привык. Это не...

Продавец поднимает руку:

– Подождите. Спросим у Мо.

– Мо?

Передняя дверь с грохотом распаивается, колокольчик над ней надсадно гремит. Оглянувшись, Пенумбра видит, как сквозь толпу пробивается нечто незримое, сопровождаемое на своем пути волной приветствий:

– Здорово, Мо!

– Мо!

– Как делишки, Мо?

– Мо, кореш!

Длинноволосое море расступается, и возникает, сверкая лысиной, человек ростом не более пяти футов – не кто иной, как Мохаммед Аль-Асмари. На остром крючке его носа покоятся очки в круглой оправе. Одет он в облегающую куртку, темную и блестящую, с изысканным воротником-стойкой. Он обращается к собравшимся в магазине.

– А ну-ка давайте все отсюда! – машет руками, разгоняя толпу. – Домой идите! Спать!

Никакой реакции. Песня играет дальше, народ как ни в чем не бывало смеется и флиртует. Вновь поворачиваясь к широкому столу, владелец магазина улыбается, и по всему лицу его светится сетка глубоких морщин.

– Изрядная толпа сегодня, мистер Корвина.

Продавец – Корвина – хмурится.

– Они купили две книги на всех, Мо.

– Ну и прекрасно, – говорит Мо, помахивая рукой. – Главное в нашем деле – наладить отношения. Мы ждем подходящего момента. Наблюдаем.

Он поворачивается и снова повышает голос:

– Эй ты! Как тебя, Феликс? Вот ты эту книгу три вечера подряд читаешь – купи уже!

Его мишень откликается, добродушно протестуя и жестом намекая на пустые карманы.

Мо кричит в ответ:

– Ерунда! Пусти шапку по кругу. Уж три доллара-то стрясешь с этой шпаны.

Слышен легкий глумливый хор. Мо оборачивается, продолжая улыбаться.

– А здесь? – глядит на Пенумбру. – Новое лицо?

– Покупатель посерьезнее, – одобрительно кивает Корвина. – Мохаммед Аль-Асмари, познакомьтесь с Аяксом Пенумброй.

– Аякс! – повторяет Мо, рассматривая его с ног до головы. – Должно быть, родители на вас возлагали большие надежды.

– Ну как сказать... Мой отец – поэт, – протягивает руку Пенумбра. – Приятно познакомиться, мистер Аль-Асмари.

– Не надо! Умоляю. Зовите меня Мо, – он пожимает Пенумбре руку обеими своими. – Добро пожаловать в круглосуточный книжный магазин. Вряд ли вы читали о нас в «Роллинг стоун»...

– Не доводилось. Я, собственно...

– Он ищет очень редкую книгу, Мо, – встревает Корвина.

– Как и все мы, мистер Корвина, как и все мы. Большинство этого еще не осознает. Так что в этом отношении наш друг Аякс Пенумбра впереди.

– Книга очень старинная, – говорит Пенумбра. – Насколько я выяснил, последний раз она упоминалась в связи с вашим городом, с книжным магазином, которого больше нет. Я приехал сюда в надежде, что какая-то молва о дальнейшей судьбе этого фолианта могла дойти до нынешних книготорговцев, таких как вы.

Мо стремительно перемещается за стойку, сгоняет Корвину со стула и сам водружается на его место.

– Вижу, в заднем кармане у вас «Вопль», мистер Пенумбра, – тычет он пальцем со своего насеста, – поэтому знаю: прежде чем заглянуть сюда, вы побывали у нашего новоявленного конкурента. Но там вам не смогли помочь, верно? Конечно, куда им. А мы тут помним вещи более давние. Но скажите, скажите мне – что вы ищете?

Пенумбра повторяет свой рассказ. На середине истории к стойке подходит небритый парень с потрепанным экземпляром «Дюны» и пригоршней мелочи. Мо отмахивается:

– Да бери так, Феликс. Постригись на эти деньги.

Пенумбра заканчивает. Он и Корвина с надеждой смотрят на Мо, ожидая реакции.

– Уильям Грей, – медленно произносит Мо. – Ну что ж. Это и впрямь очень интересно. Пенумбра светлеет.

– Вы про него слышали?

– Мне знакомо это имя, – говорит Мо.

Четыре простых слова, но от них у Пенумбры по спине бегут мурашки.

– И я вам скажу, откуда, – продолжает Мо.

Он поворачивается к своему продавцу:

– Слушайте внимательно, мистер Корвина. Вам это тоже будет интересно.

В магазине стало тише; женщина с транзистором ушла. Мо сплетает пальцы и опускает на них подбородок.

– Начну с того, мистер Пенумбра, что вы правы наполовину.

Тут Пенумбра удивленно поднимает брови:

– На какую именно половину?

Мо молчит. Держит паузу. Потом говорит:

– Уильям Грей – это не человек. «Уильям Грей» – это название корабля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.